

Дело не в том, что играть нельзя. Дело в том, что в момент, когда его должны были принять у короля, его проигнорировали и подсунули мальчишку. Это уже было слишком.

— Ты говоришь о трехлетнем ребенке, который является наследным принцем.

— Наследный принц — не оправдание.

Да и что вообще может король?

Англия — королевство особенное, впрочем, как и вся Европа. Она больше похожа на лоскутное одеяло из владений, над которыми довлеет Римская курия, и власть короля сильно ограничена. Изначально король был просто самым могущественным лордом — сегодня другие лорды выберут одного, завтра другого.

Хотя за последние сто лет ситуация изменилась, мысль о том, что «смена династии — еще не конец света», никуда не делась.

Август как раз и был таким могущественным лордом.

Пусть титул и земли пожаловал король, но попробуй он не пожаловать — не посмел бы!

Рыцари Ордена Подвязки признавали только Черного Принца, а затем — юного господина Августа. Что до короля... извините, их наниматель — Черный Принц Вильгельм III!

Впрочем, это уже лишнее.

Но что поделать — камердинер был тем еще фантазером. Черный Принц и его брат Ричард II в детстве немало натерпелись из-за равнодушия отца-гомосексуалиста и дворцовых интриг. Обзаведясь сыном, Черный Принц панически боялся, что с Августом поступят так же, пока он не видит. Поэтому слуг подбирали с расчетом: пусть лучше десять раз подумают, чем не подумают ни разу.

Командир рыцарей терпеливо ждал, пока камердинер остынет, и коротко бросил:

— Граф Марч тоже не появлялся весь день.

В высшем свете Лондона ходила поговорка: «Не видеть короля — не страшно. Не видеть графа Марча — вот что страшно».

Никто не знал, как Рафаэль этого добился, но он тихо и ненавязчиво стал центром притяжения лондонской аристократии всего за несколько лет. Пока Рафаэль здесь, паниковать не будут.

Иными словами, Рафаэль, собиравшийся составить компанию Августу, тоже пропал на весь день. Здесь явно что-то не так!

Лишь под утро Рафаэль вернулся во дворец.

Откуда знал Август? А он и не спал — ждал Рафаэля. Слова командира рыцарей засели в голове: Рафаэль не мог просто так исчезнуть. Случилось что-то плохое.

— Все ждал? — Рафаэль был смертельно уставшим. Он без церемоний вошел в комнату Августа.

Из-под одеяла выглянула пара синих глаз, ярко блестящих в темноте.

— Если бы не ждал, ты бы меня разбудил.

— Потому что знал — дождешься. — Под глазами Рафаэля были черные тени, тело будто налилось свинцом. Он был так измотан, что даже не пытался сохранить привычную улыбку — знал, Август не осудит.

— Что случилось? — Август не стал церемониться, спросил с участием.

Рафаэль сел на край кровати, потер переносицу и тяжело вздохнул:

— Этот человек пытался покончить с собой.

«Этот человек? Кто?» — спросил взгляд Августа.

— Тот, что заперт в Тауэре, — голос Рафаэля был холодным, даже злобным. — Когда нужно было умирать — не умер, а теперь, когда не нужно, — кочевряжится.

В Тауэре сидел лишь один узник — человек, которого королева-мать объявила мертвым, Вильгельм II. Бывший король Англии, гомосексуалист, женившийся для прикрытия, слабый и ничтожный. Муж королевы-матери Изабеллы, отец Черного Принца и Ричарда II, дед Августа. Плохой муж, плохой отец, плохой дед.

— Сегодня он сбежал из Тауэра, его быстро поймали, и он попытался покончить с собой. К нашему с Ричардом возвращению его едва откачали, — коротко описал Рафаэль этот сумбурный день.

— Зачем? — не понял Август.

Насколько ему было известно, хоть бывшего короля и «умертвили», обращались с ним неплохо. Кроме отсутствия свободы, ни Черный Принц, ни Ричард II не могли дурно обходиться с родным отцом, даже если тот никогда о них не заботился и едва не погубил Ричарда II.

Столько лет все было тихо — и вдруг побег, да еще и самоубийство?

— Это как раз Ричард и хочет выяснить, — уклончиво ответил Рафаэль.

Но Август уловил скрытый смысл: это Ричард II хочет выяснить, а не они оба. Другими словами, Рафаэлю либо неинтересно, либо он уже все знает.

Зная Рафаэля как человека, который все просчитывает, Август склонялся ко второму.

Рафаэль на этом остановился, поднял руку и прикрыл Августу веки:

— Ладно, теперь ты в курсе. Со мной все хорошо, с Ричардом все хорошо, с твоим отцом и Англией тоже. Я усилию охрану, и этот человек больше не будет проблемой. Так что спи, завтра рано вставать. Если проспишь, Ричард, захлебнувшись чувством вины, что не смог тебя сразу принять, ворвется сюда будить.

— А ты? — спросил Август.

Король мог завтра сделать вид, что ничего не было, а Рафаэлю предстояло разгребать последствия.

— Ты поспишь? Или сразу за работу? — рассвет был уже близко.

— Приглашаешь меня прилечь? — на измученном лице Рафаэля наконец мелькнула улыбка. Он даже залез под одеяло и устроился рядом с Августом, шутливо бросив:

— Дети есть дети. Боишься один спать — так и скажи, дядя с радостью составит компанию.

Август: «...» Почему ему кажется, что Рафаэль его дразнит?

Рафаэль обнял герцога, который только что вымылся и пах свежестью:

— Спи, мое печеньеце.

— Печеньеце? Что за чушь?!

— А что? — Рафаэль приподнял бровь. — Мария может звать тебя пудингом, а мне нельзя — печеньецем? Или предпочитаешь «тыковку»?

— ... — Точно маньяк-контролер со шпионами повсюду!

Печеньеце, тыковка — Августу не нравилось ни то, ни другое.

— И «кексиком» тоже не надо, — бормотал он под одеялом, пока не уснул. — Почему обязательно еда?

«А если я тебя назову луковым пирожочком, тебе понравится?» — хотелось спросить.

На следующее утро Рафаэль попытался тихо подняться, но Август проснулся — и снова о прозвищах. С некоторыми вещами он просто не мог смириться.

— А почему бы не «Ол»? — спросил он.

Крылышки по-орлеански — вкусно и запоминается. Идеально!

— Но это не уникально, — застегивая пуговицы, ответил Рафаэль. Ему нужно было уйти до прихода слуг, иначе в глазах старого дворецкого он окончательно превратится в педофила. Что там говорил его друг по переписке? «Поздравляю, от трех лет до пожизненного, вплоть до высшей меры».

— ... — Август посмотрел на него с укором. — Ты ничего не смыслишь в прозвищах. Не можешь придумать — зови, как Мария, пудингом.

Рафаэль остановился, повернулся к Августу на кровати и с трудом сдерживаясь, произнес:

— Ты ничего не знаешь о Марии.

<http://bllate.org/book/15929/1423889>